

Эффект присутствия: проблемы и перспективы изучения

Круглый стол

«Эффект присутствия: двадцать лет спустя»

(МГУ, 1 марта 2024 года)

DOI: 10.53953/08696365_2024_190_6_401

Двадцать лет назад, в 2004 году, вышла книга стэнфордского литературоведа и философа Ханса Ульриха Гумбрехта «Производство присутствия: чего не может передать значение»¹. Монография полемизировала со сложившейся исследовательской традицией (герменевтической), в рамках которой текст определяется как вмещающие трансцендентных смыслов. Эти смыслы надлежит извлечь усилием интерпретации, концентрируясь на структурных и смысловых порядках текста.

Гумбрехт выдвинул альтернативную концепцию: исследователь разграничил «культуру значения» и «культуру присутствия». «Культура значения» опирается на комплекс знаний и известных смыслов, *узнавание* ситуации. Для «культуры присутствия» ключевыми становятся контакт и *переживание* ситуации «здесь и сейчас», фактически по В. Шкловскому — проживание эстетического опыта как в первый раз. «Смыслу» (meaning) противопоставлено «присутствие» (presence), дополнительный уровень производства эстетического опыта.

На этом уровне важными становятся материальные условия коммуникации (materialities of communication) — те «явления и условия, которые вносят свой вклад в производство смысла, при этом сами не являющиеся смыслом»². Например, такими «условиями» могут стать фактура страницы и особенности печати, помехи звукового сигнала, даже интонации чтеца — особенности канала передачи сообщения (в коммуникативной модели Р.О. Якобсона³). На первый план выходит «эффект осязаемости, создаваемый средствами коммуникации»⁴ (медиа): интенсивно переживаемый *контакт* с текстом по ту сторону принятых условностей толкования и канонических прочтений.

Спустя двадцать лет после выхода книги аналитический подход Гумбрехта по-прежнему востребован, особенно с учетом того, что в фокусе литературоведа теперь нередко не только словесные тексты, но и феномены более сложной медийной природы (кинотексты, графические романы, звуковые инсталляции и др.). На круглом столе «Эффект присутствия: двадцать лет спустя» 1 марта 2024 года (филологический факультет МГУ, кафедра общей теории словесности) вновь подверглись обсуждению проект Гумбрехта — и его приложимость к разным областям гуманитар-

-
- 1 Gumbrecht H.U. Production of Presence: What Meaning Cannot Convey. Stanford, CA: Stanford University Press, 2004. Издание на русском языке: Гумбрехт Х.У. Производство присутствия: чего не может передать значение / Пер. с англ. С.Н. Зенкина. М.: Новое литературное обозрение, 2006.
  - 2 Gumbrecht H.U. Production of Presence: What Meaning Cannot Convey. P. 8.
  - 3 Якобсон Р.О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против» / Пер. с англ. И.А. Мельчука. М.: Прогресс, 1975. С. 193—230.
  - 4 Гумбрехт Х.У. Производство присутствия: чего не может передать значение. С. 29.

ного знания и разным объектам изучения, в том числе полимедийным. В работе стога приняли участие сам автор книги и докладчики из ведущих исследовательских институций (МГУ имени М.В. Ломоносова, НИУ ВШЭ, РГГУ, МГПУ).

Сергей Зенкин (РГГУ, Москва / НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург) открыл круглый стол докладом «*Филология присутствия*». Исследователь предложил очерк современного состояния филологической науки и диагностировал необходимость обновления методологического инструментария. Импульс обновления — в «имманентно-несмысловой филологии», проект которой предложен в уже упомянутой книге Гумбрехта «*Производство присутствия*» и в более раннем труде немецко-американского ученого «*Силы филологии*» (2003)⁵. Гумбрехт как теоретик в интерпретации Зенкина ориентирует филологов на другой объект изучения. В центре не постижение семиотических (ценностных) смыслов, а непосредственное переживание присутствия культурных фактов. Такое переживание достигается в «моменты интенсивности» при восприятии текста, когда мы временно забываем об извлечении смысла и переживаем телесный, аффективный, дорефлексивный опыт встречи с произведением.

Гумбрехт применяет этот подход к традиционно филологическим практикам — анализу текста, преподаванию литературных дисциплин. По мысли зарубежного исследователя, филолог, изучая произведение, неизбежно локализует смысл *вне* текста, включая последний в исторический и культурный контексты и сопровождая текст комментариями. Однако, становясь не исследователем, а преподавателем, профессионал нередко транслирует другой смысл: переживание текста как присутствия, то есть опыт телесно-аффективной вовлеченности в процесс чтения. Читатель-критик упоминает, что поразило, вызвало сильную реакцию, — и пытаются эксплицировать подошлуку именно этого опыта, а не только каноническую ценность и исторические горизонты ожидания (хотя, безусловно, помнит о них). Зенкин находит истоки этой концепции в теоретическом проекте русских формалистов: в их работах мы наблюдаем отказ от поиска в текстах герменевтического смысла и описание приемов воздействия на читателя.

Продолжая эту мысль, ученый ссылается на статью Михаила Ямпольского «*Филологизация*»⁶ (2005): в этой работе филология рассматривается как «наука понимающего непонимания»⁷. В отличие от философии, филология направлена не на восстановление смысла текста, а на изучение его устройства. Текст можно эксплицировать структурно, но не содержательно, понять — и не понять одновременно. Сходная «филологическая парадигма» XIX века получила рассмотрение в монографии Джессики Меррилл «*Истоки русской литературной теории*» (2022)⁸. По Меррилл, «филологическая парадигма» позапрошлого столетия была ориентирована на изучение народной устной, а не письменной словесности. Филолог предполагаемо не столько вникал в сообщение письменного текста, сколько описывал внешние факторы бытования устной поэзии. Ученый обставляет фактологическими рядами высказывание, семантический посыл которого словно бы специально забран в скобки и помещен в «черный ящик», но прагматическое воздействие явно прослеживается во вплетенности высказывания в соседние ряды. В этих работах, как и в работах Гумбрехта, текст рассматривается как не столько смысловой, сколько энергетичес-

5 *Gumbrecht H.U.* The Powers of Philology: Dynamics of Textual Scholarship. Champaign: University of Illinois Press, 2003.

6 *Ямпольский М.* Филологизация (проект радикальной филологии) // Новое литературное обозрение. 2005. № 75. С. 10—23.

7 Данное определение вызывает в памяти другое — определение С.С. Аверинцева, который, напротив, говорил о филологии как о «службе понимания» (*Аверинцев С.С.* Похвальное слово // Юность. 1969. № 1. С. 98—102).

кий процесс; исследуются не трансцендентные смыслы текста, а его материальное бытие, присутствие, трансформативный потенциал в диалоге с адресатом.

Такое видение текста, по мысли Зенкина, приводит к новому взгляду на филологию как науку. Впрочем, ряд факторов осложняет исследовательскую работу в этом направлении — в силу инерции филологической традиции. Первый фактор — канон, который традиционно формируется путем отграничения и селекции именно смыслов. Второй фактор — слово, которое всегда воспринимается как «носитель богатого смысла» (по Зенкину), то есть средство передачи в первую очередь сообщения. Впрочем, есть и продуктивные пути развития — на них и предлагается сосредоточить внимание. Современная наука о литературе изучает в том числе неканонические тексты, а как «единицу культурного процесса» рассматривает не слово (текст либо высказывание), а дискурс. Такую науку уже сложно назвать филологией, резюмирует исследователь. Предмет изучения этой науки осваивается новыми дисциплинами, такими как антрополого-ориентированная компаративистика⁹, «изучение мировой литературы» (world literature), «культурология» (cultural studies).

Анатолий Корчинский (РГГУ, Москва) в докладе «Проблема “присутствия” в исторической репрезентации» провел связь между концепцией присутствия Гумбрехта и проблемой исторической репрезентации. Проект Гумбрехта исследователь контекстуализировал подходом к исторической репрезентации Карло Гинзбурга.

По Гинзбургу, в рамках классического историзма репрезентант (нарратив) и репрезентируемое (сами события) отождествляются, и так репрезентируемое наделяется реальностью. Гинзбург, напротив, как и другие исследователи (например, Х. Уайт и Ф.Р. Анкерсмит), проблематизирует это отождествление, утверждая, что прошлое никогда не может быть нам дано и всегда недоступно, пребывает в отсутствии. Корчинский отметил, что тезис Гумбрехта о присутствии как «симультанной пространственной корреляции между субъектом и объектом» кажется уместным в рамках классического историзма.

Этот тезис докладчик противопоставил концепции Гинзбурга и, чтобы проиллюстрировать противопоставление, обратился к рассуждениям обоих ученых о таинстве евхаристии. Для Гинзбурга символическое «превращение» святых даров в тело и кровь Христа — в формулировке Корчинского, пример того, как «репрезентант упраздняется, уступая место эффекту присутствия репрезентируемого отсутствующего объекта». Иными словами, происходит не отождествление реального объекта (даров) и абстрактного (тело и кровь Христа), а символическое замещение одного другим, что осознается всеми участниками таинства. Гумбрехт же воспринимает это «превращение» как опыт реального присутствия, игнорируя различие между планами репрезентации.

Различию между планами репрезентации Гумбрехт не уделяет достаточного внимания и в книгах «После 1945. Латентность как источник настоящего» (2013)¹⁰ и «Наше широкое настоящее» (2010)¹¹. Репрезентация истории оказывается у него

8 Merrill J. The Origins of Russian Literary Theory: Folklore, Philology, Form. Evanston: Northwestern University Press, 2022.

9 В этой связи см.: *Поселягин Н.В.* Антропологический поворот в российских гуманитарных науках // Новое литературное обозрение. 2012. № 113. С. 27–36.

10 *Gumbrecht H.U.* After 1945: Latency as Origin of the Present. Stanford, CA: Stanford University Press, 2013. Издание на русском языке: *Гумбрехт Х.У.* После 1945. Латентность как источник настоящего / Пер. с англ. К. Голубович. М.: Новое литературное обозрение, 2018.

11 *Gumbrecht H.U.* Unsere breite Gegenwart. Frankfurt: Suhrkamp Verlag, 2010.

«производством присутствия», презентификацией: прошлое не исчезает, оно латентно присутствует в настоящем; настоящее перестает быть моментом перехода между прошлым и будущим, а превращается в пространство соприсутствия разных времен.

Корчинский противопоставляет концепцию Гумбрехта не только концепции Гинзбурга, но и подходам к исторической репрезентации других исследователей, которые опирались, как и Гумбрехт, на категорию бытия Хайдеггера. Так, Гумбрехт противопоставляется Полю Рикёру. Рикёр, в отличие от Гумбрехта, различает исторические нарративы и нарративы памяти: исторические нарративы отсылают к событиям истории, нарративы памяти — к исторической репрезентации, последняя не изображает, а только замещает прошлое. В этом ряду фигурирует и концепция Жака Деррида: французский философ говорит о невозможности полной репрезентации истории, которая присутствует в настоящем только в виде «следов» или «призраков», что в полной мере нельзя назвать присутствием.

Таким образом, обсуждая концепцию Гумбрехта в контексте подходов к проблеме исторической репрезентации, Корчинский критически осмысливает идеи зарубежного коллеги и отмечает, что в концепции Гумбрехта не учитываются различие между историей как таковой и ее репрезентацией, различие между знаком и референтом, образом и оригиналом.

Сергей Ромашко (независимый исследователь, Москва) дал своему докладу поэтичное название «*О ружьях, которые не стреляют, и тетиве, которая поет: деталь в повествовании Гомера*». Первая часть названия — «ружья, которые не стреляют» — призвана иллюстрировать мысль автора о том, что детали в производстве могут работать не только на развитие сюжета. Исследователь рассматривает внесюжетные детали в поэмах Гомера, показывая, как эти детали работают на эффект присутствия, обеспечивая рецептивную вовлеченность.

Поэмы Гомера создавались на рубеже устной и письменной традиции; уже являясь литературным произведением, они все еще подразумевали характерное для устной культуры условие обязательной «партиципативности» слушателей, их максимальное соучастие в процессе рассказывания. Кроме того, поэмы все еще обладали всеми чертами устной поэзии: часто составлялись из «готовых» элементов (сюжетов, эпизодов, словосочетаний), чтобы слушателю было легче ориентироваться. Однако из готовых элементов разного уровня тем не менее составлялось уникальное произведение, создающее эффект вовлеченности и иллюзию присутствия. Такой эффект основан на введении в текст деталей: именно детали помогали индивидуализировать повествование и повысить степень участия слушателей.

Метафора «тетивы, которая поет», вторая часть названия доклада, сужает спектр рассматриваемого материала: Ромашко сосредотачивает внимание на звуковых деталях. На примере таких деталей исследователь показывает несовпадение монотонного ритма эпического стиха и неравномерного, синкопированного ритма повествования. Иначе говоря, детали перебивают ритм рассказа, образуют паузу в нарративе. Это ощущение зияния входит в противоречие с предсказуемостью звуковой организации произведения. Именно это переживание, родственное эффекту присутствия, создает напряжение между ожиданиями читателя и эффектом, который поэма в итоге производит. Соответственно, читатель склонен интенсивнее инвестировать в смыслообразование.

Ксения Голубович (Московская школа нового кино / Международный университет в Москве) в докладе «*Эстетика тавтологии и эстетика противоречия*» обращается к проблеме эстетического эффекта. Этот эффект возникает в поэтических текстах, когда, согласно Людвигу Витгенштейну, при использовании тавтологии и противоречия язык указывает на собственные границы. Обнажение границ язы-

ка можно осмыслить через понятие присутствия. Для поэтов, таких как У. Блейк, У. Йейтс, У. Шекспир, М. Цветаева, О. Манделштам, задача расширения эффекта присутствия решается через обращение к приему парадокса, то есть инструменту обнаружения границ языка. Парадокс — противоречивое высказывание, которое закликивает процедуру извлечения смысла: подразумеваемое вопиющим образом противоречит явно сказанному, что заставляет снова предпринять попытку толкования и столкнуться с тем же результатом. Акцент делается на принципиальной неинтерпретируемости парадокса, который, как и шутка, воспринимается мгновенно, давая «блеск мысли, почти физически ощущаемый, когда понимаешь парадокс» (по словам Голубович). Данная техника запрещает комментарий, заставляя переживать инсайт на эстетическом уровне.

Иную технику нащупывания границ языка представляет собой тавтология — повтор конструкции, «пограничный способ толкования», который строится «на переборе значений, уводящих от данного места в бесконечность времени» (как отметила докладчица). Комментарий здесь не запрещается, а, напротив, приветствуется. В технике тавтологии работал Т.С. Элиот — «поэт интерпретаций». Ксения Голубович проводит параллель между тавтологией как «техникой отсутствующего значения» и понятием латентности, предложенным Х.У. Гумбрехтом в книге «После 1945. Латентность как источник настоящего»¹². Латентность связана с понятием отложенного значения (*deferral of meaning*): преумножением знаков в попытке объяснить и невозможностью дать окончательную интерпретацию, ибо каждая новая интерпретация сама становится знаком другого, непроговоренного значения. Таким образом, исследовательница демонстрирует применение концепций Х.У. Гумбрехта к анализу поэзии, показывая, что мы можем в зависимости от выбора описывать события через «культуру присутствия» или через связанную с отсутствующим латентным событием «культуру значения».

Татьяна Венедиктова (МГУ) продолжила разговор о поэзии (на примере творчества Дж. Китса и Р.М. Рильке) в докладе «Эпифанический режим письма и чтения», где она исследует суть эпифании. Согласно Венедиктовой, эпифания (термин Дж. Джойса) — момент духовного прозрения, субъективное переживание, которое возникает «из банального жеста, из обыденной мелочи» и характеризует литературу модернизма — или, шире, природу «литературности» в целом. Докладчица рассматривает эпифанический режим письма как вызывающий эффект присутствия. В таком режиме эстетический опыт воспринимается не через опознание значения, а за счет «сонастройки» ресурсов языка, когда создается ощущение непосредственного контакта и стихотворение превращается в «жест живой протянутой руки». Исследовательница приводит в пример стихотворение Джона Китса «Рука живая, теплая, что пылко...» («*This Living Hand*»). В нем поэт обращается к некоему «ты» и описывает свою руку как «теплую» и «сильную» сейчас, но тут же представляет ее замогильно призрачной и холодной. Обращение к реципиенту и контраст «сущего и воображаемого» создают острое переживание присутствия и атмосферу доверия в опосредованной коммуникации автора и читателя.

Коммуникация, не связанная с передачей значения, интересовала психологов-когнитивистов, таких, как Антонио Дамасио и Дональд Винникотт. Над природой эпифании с характерной редуцией семантики высказывания и отказом от его риторической выделки размышляли также поэты, писатели и филологи. О. Манделштам в эссе «О собеседнике» описывал «формулу общительности» через стремление «заинтересовать собой»; Ж.П. Сартр и М. Пруст пытались разгадать секрет

12 Gumbrecht H.U. After 1945: Latency as Origin of the Present.

стиля Г. Флобера; Э. Ауэрбах исследовал суть «микроскопических» событий в романах В. Вулф. При этом внимание философов и писателей сосредотачивалось на мелких, незначительных элементах языка или сюжета, ценных своей независимостью от значений. Как правило, эти микроскопические связующие и дейктические элементы релевантны для устной непосредственной коммуникации, но остаются практически незаметны в письменно-печатной речи.

Тем не менее этот дейктический, ритмический, интонационно-жестовый потенциал речи получал попытки описания: Ч.С. Пирс связывал его с индексально-иконической природой словесного знака, У. Джеймс исследовал «транзитивные» элементы языка, а М. Мерло-Понти писал об «экзистенциальной мимике». Результат использования эпифанического режима письма состоит в предложении читателю соучастного испытания, контакта, присутствия, что ведет к рефлексивному усилению и переживанию самого опыта. Цитируя Шкловского, это усиление качества «каменности» камня¹³ и в целом «жизненности» жизни.

Завершала первую часть круглого стола *Антонина Ростовская* (МПГУ) докладом «*К органике педагогического действия: о возможности работы с эффектами присутствия в сфере образования*». Исследовательница предложила образовательную модель сценического действия. Метод, с помощью которого создавалась эта модель, интегрирует разные теоретические интуиции: моменты «вживания» и «завершения»¹⁴ М.М. Бахтина, «эффект присутствия» Х.У. Гумбрехта. Исполнитель соприкасается с текстом, обнаруживает в нем и обживает диспозитив переживания, насыщает этот диспозитив структурами собственного опыта и создает новое эстетическое целое. Погружение в текст («вживание»), проживание контакта с текстом («присутствие») становятся основой для творческого диалога: воспроизводя опыт взаимодействия с текстом, исполнитель привносит собственный дотекстовый и паратекстовый аффективный опыт в этот перформанс.

Цель докладчицы — рассмотреть погружение как элемент «культуры присутствия» в театральных и педагогических практиках. «Глобус» Шекспира был последним театром, где публика полноценно погружалась в событие постановки, не осознавая условную границу между театром и жизнью. Театральная лаборатория метода, созданная Антониной Ростовской в 1993 году, ищет пути возвращения к подобному «до-театру». Студенты в лаборатории разрабатывают практики, которые позволят участнику действия испытать эпифанию, приблизиться к «моментам сложности»: прочувствовать текст во всей его противоречивости, ощутить сопротивление текста — интерпретации и затем разыграть текст с авторской позиции, словно бы он был написан самим исполнителем. «Мы близки Ежи Гротовскому», — отмечает исследовательница: на сцене присутствует только актер и его перформативное действие, которое одномоментно и поглощает актера, и контролируется им. Основной вывод состоит в том, что такая модель сценического действия оказывается релевантной не только в театральной сфере, но и «в контексте практик педагогической работы».

Завершился доклад демонстрацией практических результатов педагогической работы, связанной с погружением в «культуру присутствия»: *Марина Зайцева*, студентка 4-го курса МПГУ, исполнила фрагмент произведения М. Цветаевой «Мой Пушкин», подкрепляя чтение интонацией и жестом. Микропостановка вызвала оживленный интерес публики и просьбу к исполнительнице поделиться своими

13 Шкловский В. Искусство как прием // Шкловский В. О теории прозы. М.: Круг, 1925. С. 7—20.

14 Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М.М. Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук. СПб.: Азбука, 2000. С. 9—227.

ощущениями от выступления. Отвечая на вопросы зрителей, М. Зайцева отметила, что погружению в действие может помешать внутреннее состояние или внешнее окружение, однако «когда по-настоящему погружаешься, то уже ничего не мешает, но это трудно».

Во второй части круглого стола из Стэнфордского университета в Калифорнии подключился Ханс Ульрих Гумбрехт (США). В докладе «*“Присутствие” моей книги о присутствии после двадцати лет*» («The Presence of my “Presence” Book — after Two Decades») Х.У. Гумбрехт предложил обзор того, как развивалась теория литературы как современная дисциплина. Для этого потребовалось дать более широкий контекст, и в результате исследователь представил краткую историю возникновения и развития гуманитарных наук. Акцент был сделан преимущественно на истории литературоведения. В своем выступлении Гумбрехт предложил пять тезисов, каждый из которых соответствует одному этапу истории гуманитарных наук.

Первый тезис: история гуманитарных наук началась во втором десятилетии XIX века. Зарождению этих наук способствовали три фактора. Во-первых, на возникновение гуманитарных наук повлиял философский вопрос о реальности и стремление узнать, как субъект может получить подлинное знание о мире. Во-вторых, возникновение гуманитарных наук было связано с переосмыслением взгляда на историю. Стало ясно, что прошлое отлично от настоящего, и для понимания произведений, написанных в прошлом, нужно учитывать исторический контекст. Третий фактор исследователь связывает с именем своего учителя, теоретика литературы Вольфганга Изера. Именно Изер выдвинул тезис о том, что литература в Европе XIX века начинает исполнять те функции, которые раньше выполняла религия, а литературная критика становится «новой теологией». Именно в рамках литературно-критического дискурса начинают циркулировать идеи, важные для функционирования общества в целом.

Второй тезис доклада (и второй этап развития гуманитарных наук) связан уже с концом XIX века. Именно тогда те разные дисциплины, которые сегодня мы воспринимаем как связанные друг с другом и называем гуманитарными науками, стали восприниматься как единый комплекс. О гуманитарных науках как о единой области знаний заговорили многие. Вильгельм Дильтей утверждал, что «общим знаменателем» гуманитарных наук является процедура интерпретации: именно она лежит в основе любого гуманитарного знания. Это понимание объединяющего фактора гуманитарных наук во многом сохраняется и сегодня. Однако (как уже замечал первый из докладчиков круглого стола) не все исследователи соглашались с этим — так, русские формалисты отрицали центральное место интерпретации как процедуры поиска в тексте смысла.

Третий тезис доклада исследователя связан с еще одним ключевым периодом развития гуманитарного знания — с ситуацией после Второй мировой войны. Именно тогда появилось понимание, какую роль интерпретация играет в формировании идеологии (в частности, что было особенно актуально после 1945 года, нацистской идеологии). С этим периодом связан кризис концепции о центральном месте интерпретации. Фокус гуманитарных наук смещается на менее скомпрометированные идеологически предметы интереса: код и канал передачи высказывания, форму и материальное измерение произведения.

Четвертый тезис Гумбрехта затрагивает процессы, происходящие в гуманитарных науках в третьей четверти XX века (1960—1980 годы). В это время теория литературы выходит на авансцену гуманитарных наук. В рамках изучения теории литературы ставятся философские вопросы; ведутся дискуссии, важные не только для литературы, но и для гуманитаристики в целом. В качестве примера исследователь

приводит философов Мишеля Фуко и Жака Деррида, мировая известность которых началась именно с известности в кругу теоретиков литературы.

Рассуждая об этой важной эпохе развития гуманитарных наук, исследователь снова обращается к трем конститутивным факторам. Гумбрехт говорит, например, о том, что на арене литературной теории велся в то время спор о философском реализме. Докладчик вернулся к предыдущему тезису о привилегированности процедуры интерпретации в гуманитарных науках, отметив, что в эту эпоху стремление к интерпретации, к поискам смысла сохраняется. Тем не менее появляется и другой, не менее важный акцент — на эстетическом эффекте, на материальности коммуникации. На материальных условиях коммуникации сосредоточился, в частности, Маршалл Маклюэн; этот теоретик внес вклад в появление медиологии как науки (которая тоже возникла сначала в рамках литературной теории). На материальной и физической стороне восприятия литературы и искусства в целом сосредотачивается и сам Гумбрехт в своей работе «Производство присутствия», продолжая эту линию рефлексии.

В заключительном, пятом тезисе доклада исследователь излагает свой взгляд на развитие гуманитарных наук и литературоведения в настоящее время. Литературоведение в меньшей степени, чем раньше, является сценой дискуссий, важных для гуманитарных наук в целом. Внутри литературоведения разрабатываются новые подходы к изучению текста. В каком-то смысле происходит возвращение к интерпретации, но интерпретации с новой стороны. Литературные тексты интерпретируются как площадка выражения идентичности. В то же время теория литературы продолжает развиваться в сторону изучения эстетического опыта как опыта присутствия. Актуальность этого направления доказывает та живая и интересная дискуссия, которая стала возможна благодаря проведению круглого стола в честь двадцатилетия книги «Производство присутствия».

В ходе дискуссии прозвучало много вопросов, касающихся того, какие концепции и подходы учитывал Ханс Ульрих Гумбрехт в своих исследованиях, что интересует его сейчас и куда дальше будут развиваться его научные изыскания. Гумбрехт согласился, что ему близко высказывание М.М. Бахтина «Ситуация входит в высказывание и становится частью его смыслового состава»¹⁵, поскольку его тоже занимает вопрос о связи между нашим нахождением в пространстве и порождаемым нами значением. В когнитивистике ученый находит продуктивными понятие потока (concept of flow) и понятие зеркальных нейронов (mirror neurons) и надеется, что сможет применить что-нибудь из когнитивных исследований в своей работе. Гумбрехт, хотя и считает гуманитарные науки не столько науками, сколько неким «созерцанием общества» (secular contemplation), допускает возможность интеграции в гуманитарные науки некоторых идей из наук естественных, поскольку «все, что мотивирует диалог, — это хорошо».

В настоящее время Гумбрехт работает над автобиографией, при этом стиль письма от «первого лица» (first person singular) в целом присущ его работам. Ученый следует феноменологической традиции, которая постигает человеческое мышление через самоисследование, — self-observation. Соответственно, «субъективное» повествование оказывается более искренним при описании своей реакции, которая может отличаться от реакций других людей. Вопрос непосредственного реагирования людей на некоторый эстетический опыт тесно связан с исследованием эффекта присутствия и разбирается Гумбрехтом в разных его работах. В связи с этим ученый кратко резюмировал последнюю свою книгу, где он размышляет о реакции на голоса в поп-музыке, и свою монографию о феномене толпы на ста-

15 Волошинов В.Н. (Бахтин М.М.) Слово в жизни и слово в поэзии // Из истории советской эстетической мысли, 1917—1932. М.: Искусство, 1980. С. 383—396.

дионе и том ценном эстетическом опыте, которое дает живое присутствие на спортивном событии, несмотря на все его риски¹⁶.

Концом дискуссии и всей конференции послужило рассуждение о тесно связанных с творчеством категориях: вымысел и воображение. Вымысел (fiction) может запускать воображение в читателе, а воображение позволяет чувствовать даже не полученный нами опыт, помогает конструировать поддерживающую нас реальность и, самое главное, ведет к «способности вообразить общее позитивное будущее». Запрос на общее позитивное будущее представляется ключевым для современной культуры — и обсуждение проблемы присутствия позволяет по-новому увидеть эту важную составляющую культурной деятельности.

*Анна Швец
Полина Левина
Елена Сосина*

**Международная конференция
«XXX Большие Банные чтения.
“Культурная антропология границ
в современных обществах”»**

*(Журнал «Новое литературное обозрение»,
5–7 апреля 2024 года)*

DOI: 10.53953/08696365_2024_190_6_409

Темой юбилейных, тридцатых Банных чтений, прошедших 5–7 апреля 2024 года в онлайн-формате, стала «Культурная антропология границ в современных обществах». По словам основательницы «Нового литературного обозрения» *Ирины Прохоровой*, главной задачей конференции всегда было, и в особенности остается сейчас, преодоление изоляции. Осмысление феномена изоляции, трансформации социальных, исторических и культурных практик в «открытом» и «закрытом» состояниях общества позволяют проблематизировать не только само понятие границы, одним из эпифеноменов которой является изоляция, но и возможности и практики ее преодоления.

Линией напряжения, протянувшейся через всю конференцию, стало переосмысление понятийного и терминологического аппаратов, через которые прочитывается феномен границы. Как заметила *Ирина Прохорова*, двуязычность конференции, рабочими языками которой стали английский и русский, обусловила проблему перевода целого кластера понятий, связанных со словом «граница». При этом проблема перевода не ограничивалась лингвистическим измерением, но открыла пространства смыслового, методологического и даже метафизического срезов. Также было отмечено, что основными задачами журнала «НЛО» и Банных чтений по сей день остаются попытка интеграции российской гуманитарной

---

16 *Gumbrecht H.U. Crowds: The Stadium as a Ritual of Intensity. Stanford, CA: Stanford University Press, 2021.*